Женитьба Алеши (2)

И там сосваталсе, <Илья> тысяцким стал, это к Олёше, и свадьба завелась. Увели Олёшину
— Добрыни жонку. Вот и за стол сели, та́мотки свадьба завелась. И Добрыня воскрёсше. Они
уж так договорились: пришел ко своей матери, не сказавши, пришел кали́кой. «Ой еси ты, Апраксия-
королевичня,— говорит, — дай мне Добрыниного платья цве́тного, не самолучшего, да самохудшего!»

Та и дала. «Сходить, — говорит, — к Олёши на свадьбу, — говорит, — посмотреть
Олёшина молода жона». (*А своя жонка!*)

И вот и та дала. «А дай, — говорит, — еще Добрыниных золотых гусле́й, — говорит, —
повеселить, — говорит, — Олёшина молода́ жона». Та и говорит: «Тебя не пропустят, — говорит,
— у ворот-то стоят подворотники, — говорит, — середи двора — сторожа́, у дверей — придверники».

— «Ничего, — говорит, — так я пройду!»

Вот дала гуслей ему. Он пришел, пошел та́мотки. В кормашек просунул ему горсть денег.
(*Там вот деньги не бумажны у ёго!*) Вот те пропустили. Пришел к сторожам
— то же. Те пропустили.
И второе место так же.

Ну вот, зашел на свадьбу, и зашел на печку, на печной столб сел, и сидит калика дак кали́кою!

Каликой пришел. А Илья Муровец тысяцким стоит и видит, что уж он пришел. Вот и стали обносить
чарки. Всех обнесли это, он сидит. А Илья и говорит: «А еще там человек есть, — говорит, —
ударьте палкой, да не обнесите чаркой!» Вот ему поднесли чарочку не большу́, не малу <...> поднесли

чарочку зелена́ вина́ не большу, не малу — полтора ведра. Он принимает едино́й рукою и
выпивает к одному́ духу́. А тут и ужа́хнулись: «Что <...> что за человек?»

Вот сидели, сидели. Он сидел, сидел и заиграл в эти гусли. Вот и Олёшина молода призадумалась,
жона этого, а вот та сватьюшка сидит с краю, — прирасплакалась: «Давно, давно, —
говорит, — в Киеве не бывало такого, таких гуслей, — говорит, — давным давно не бывало такого
игрока. Играт, — говорит, — взамен Добрыни Микитича!»

Вот сидели, сидели, спровадили молодку это — обносить опеть чарки. Обносила, обносила,
поднесла к ёму чарку меду сладкого, опеть не большу, не малу — полтора ведра. Он опеть так же:
принимает едино́й рукой и выпивает к одному́ духу́. И выхватил из кармана платок отиратьсе, —
имянно́ клеймо ей. Вот она повернулась ко столу: «Ой еси, Олёшенька Попович, — говорит, —
здорово женилсе — не с кем спать! Пришел у мене Добрынюшка из чиста́ поля!»

Тот соскочил да ей за руку взял. Тот вскочил — со стены схватил саблю, а этот, тысяцкой-то,
схватил ёго: «Не летай, — говорит, — ворона, за ясным соколом, не бегай, — говорит,
— Олёшенька, за Добрыней Микитичём, — говорит, — потеряешь буйну голову! Я-то не
тебе чёта, — говорит, — да он сидел у меня на белы́х грудях!»

(*Вот и все*.)

(Зап. Л. Миронихиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на — от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.